

чам. Тогда все обитатели казармы или нескольких соседних казарм выгонялись на плац (внутренний двор между казармами) и на том плацу держали нас по несколько часов, на сковывающем до костей морозе, пока не настигали с собаками беглеца. Тогда на глазах у несчастных его тело рвали собаки, пока не загрызали до смерти. Это было ужасное зрелище. И когда провозглашалась команда «отбой», на плацу оставалось по несколько замерзших трупов. Многие болели и погибали без медицинской помощи.

Чтобы хоть как-то согреться, по ночам спали по несколько человек кучками и менялись местами: те, кто был внутри кучи, согревшись теплом тел подружек, выбирались на ее поверхность, а те, кто был снаружи, укладывались затем внутрь. При таком общежитии любая наружная болячка легко становилась общей. Например, все девочки группы, в которой состояла моя сестричка, болели чесоткой. Вся кожа головы и других участков ее тела оставалась пораженными струпьями (зудящими болячками) и тогда, когда она вернулась домой, и лишь мама излечила ее, помнится, дегтярной мазью, она знала рецепт ее приготовления.

Незадолго до освобождения частями Красной Армии Освенцима в 44 году моя сестричка сильно переболела воспалением легких. Мощное наступление наших армий палачей — фашистов свертывать и эвакуировать концлагерь, заметать следы своих преступлений. Оставшиеся в живых узники тянулись длинной цепью по дорогам Польши и самой Германии. Больные, истощенные и обессиленные скелеты не выдерживали шага, заданного охраной, падали на дорогах и их тут же пристреливали конвоиры, сопровождавшие колонну. Оля, ослабленная болезнью и голодом, тоже не могла идти и была бы пристрелена, но ее из всех сил поддерживали под руки подружки, но, к счастью, и она все же дошла до пункта назначения. А последним таким пунктом, где палачи надеялись спрятать следы своих преступлений, был город на западе Германии — Нойштадт. Там тоже был лагерь, оборудованный немецкими архитекторами для уничтожения представителей низших рас, прежде всего славянской.

Это был лагерь из мужских и женских бараков, обнесённых колючей проволокой, через которую пропущен электроток. Наша армия так стремительно и мощно преследовала фашистскую, что палачи — эсэсовцы в лагерях смерти не успевали уничтожать свои жертвы. Когда наши части вплотную приблизились к Нойштадту они, спасая

свои шкуры, навесили на ворота увесистые замки, разбежались, возможно предварительно заминировав казармы, как это они всегда делали при отступлении. Рядом с женской казармой концлагеря, в которой находилась моя сестра, был какой-то гражданский лагерь, — рассказывала Оля, в котором работали, очевидно по найму, французские рабочие. Они первые услышали раскаты орудий наших передовых частей, поднялись на крышу своего лагеря и сообщили узникам немецкого лагеря о наступлении наших войск: «Слышите гром орудий? Встречайте своих!» Пленницы бросились к выходу, но не тут — то было: массивные замки висели на дверях. Тогда французы соскочили с крыши, сорвали замок с ворот казармы и выпустили узниц. К лагерю приближался на рысях, возможно, разведывательный отряд наших конников. Девочки в своих «полосатиках» и «туфлях» на деревянных колодках как тени бросились навстречу кавалеристам. Воины остановились: «Откуда Вы, приведения?» — воскликнул в изумлении, очевидно командир отряда. Но слёзы хлынули из глаз девчонок, они бросились бойцам на шею, стали их обнимать и целовать.

— Свои мы, спасибо, что наконец вы пришли, мы так долго ждали вас!» Закалённые боями мужественные воины тоже не сдержали слёз, плакали вместе с девочками.

— А теперь, — сказали они, город свободен от фашистской нечисти, идите в любой дом и берите всё, что найдёте и что вам потребуется.

— Мы зашли в некоторые квартиры, они были пусты, хозяйева их порятались, и прежде всего искали что-либо съестное, на дорогие вещи — одежду, обувь не обращали никакого внимания. В то же время и есть много было опасно: ведь истончённый и слипшийся кишечник мог в каком-нибудь отрезке просто лопнуть.

2 мая 1945-го все девочки, освободившиеся из концлагеря прошли проверку на лояльность в особом отделе какой-то воинской части и были направлены в различные воинские подразделения. Оля была направлена во вновь образованную хозяйственную часть, которая собирала в Германии коров, формировала из них стада и через Берлин отправляла в разграбленную фашистами Россию. Оля ухаживала, кормила и доила коров, т.е. выполняла работу, которую она освоила у кулака — бауэра, но это уже была работа в радость, на себя, для своих воинов, на свою родную страну. Главное — кончились